

ГРИГОРИЙ КУБАТЬЯН
**ОТ МЕКСИКИ
ДО АНТАРКТИДЫ
И ОБРАТНО**

ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Григорий Кубатьян

**От Мексики до
Антарктиды и обратно**

«ИП Князев»

2023

УДК 070
ББК 76.01

Кубатьян Г. С.

От Мексики до Антарктиды и обратно / Г. С. Кубатьян — «ИП
Князев», 2023

ISBN 978-5-93762-196-2

Увлекательное, полное приключений и юмора повествование о
многомесячном путешествии через всю Латинскую Америку известного
профессионального путешественника, писателя и travel-журналиста. В
формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 070
ББК 76.01

ISBN 978-5-93762-196-2

© Кубатьян Г. С., 2023
© ИП Князев, 2023

Содержание

Начало	7
Мексика	9
Иудопродавцы	10
Конституция на черепах	12
Настенный Троцкий	14
Как я получил справку и испортил палатку	15
Размышления о вечности	16
Запретные кактусы	18
Секретная добавка в текилу	20
Древности по сходной цене	22
Святые неугодники	24
Как меня напугало чудовище за изгородью	27
Белиз	29
Пыльная дорога к крокодилу	30
Настоящие мужики любят Иисуса	33
Осторожнее в Белизе	36
Гватемала	38
Получить по голове в Тикале	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Григорий Кубатьян

От Мексики до Антарктиды и обратно

© Г. Кубатьян, текст, фотографии, 2023

© Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2023

Начало

Зима 2004 года. Я стоял почти по пояс в снегу и чистил лопатой проход к кроличьей клетке. На мне были ватник и валенки. В этой деревне в Новгородской области, в которой я поселился, так ходили все. Я махал лопатой и думал, как мне вообще пришла в голову идея разводить кроликов?! Зачем воюю с лисами, рыскающими вокруг клетки, и с алкоголиками, подкрадывающимися к дому, чтобы продать мне ржавых гвоздей и кривой молоток! Мне не нравилось, что в деревне всё было медленно: кролики еле размножались, алкоголики не спешили отдавать долги, даже снег падал так, что хотелось его поторопить: ну, давай уже, падай! Хотелось чувствовать стремительное движение жизни, чтобы дух захватывало.

Когда пришла весна, сорвался с места. Кролики бесплатно достались соседям по деревне. Я уехал в Петербург и устроился работать корреспондентом телевизионных новостей. К тому времени у меня было опубликовано полтора десятка статей в журналах и газетах. Я всё ещё считался молодым и перспективным автором и думал, что хорошо бы закрепить свой статус, пока оба эпитета не отвалились сами собой.

На телевидении проработал несколько месяцев, после чего меня позвали писать для журнала GEO. Я не мог отказаться – это была работа мечты. Наконец мне будут платить за то, что я путешествую! Редакция отправила меня в командировки в Таджикистан, Киргизию и Тунис. А затем я сам предложил журналу проект: путешествие автостопом от Мексики до Огненной Земли и Антарктиды. Больших расходов от редакции не требовалось. Но риск был. Я не умел фотографировать, у меня даже не было камеры. Латинская Америка была велика, загадочна и плохо изучена. Со мной могло произойти что угодно. Вдруг не доберусь до Антарктиды? Заблужусь в джунглях, попаду в плен к повстанцам? Решили, что GEO рискнёт шестью номерами. Весь маршрут я должен был проехать за полгода. Спонсоры выдали мне фотоаппарат – цифровую мыльницу. Со временем обещали прислать камеру получше.

Чтобы привлечь читателей, договорились с радио «Маяк» о том, что дважды в неделю я буду высылать аудиорепортажи для авторской передачи «Живая география». За эту работу мне не платили, но выделили небольшую сумму на связь. И пообещали от редакции журнала 300 долларов в месяц на расходы. Условия были приемлемые. Я вполне мог прожить на 10 долларов в день, ведь в предыдущих путешествиях по Азии и Африке обходился 1–2 долларами. Старт был назначен на начало весны 2005 года. Всего год прошёл, как я оставил кролиководство, а как всё изменилось!

Про Латинскую Америку перед стартом я знал немного. Стереотипный набор: мексиканцы в сомбреро, колумбийская мафия, бразильский карнавал. Провёл пару недель в библиотеке, изучая имевшуюся в наличии соответствующую литературу. Но это всё равно что иностранцу понять что-то про Россию, прочитав «Муму», «Апрельские тезисы» и путеводитель по вулканам Камчатки. Решил, что разберусь на месте. Испанские слова учил по бумажным карточкам, которые доставал из кармана и перебирал: *уно, дос, трес, дискульпа, порфавор*.

Ноутбука у меня не было. Репортажи и звуки для радио записывал на телефон-коммуникатор, один из первых появившихся тогда – с палочкой для набора текста. Заметки писал в тетради, а позже набирал латиницей на компьютерах в интернет-кафе. В то время поменять язык в операционной системе с испанского на русский было целой проблемой: нужен был установочный дистрибутив, и в любом случае ничего не получалось, если в компьютере не было считывателя CD-дисков или система была защищена от внесения изменений. Клавиатура, естественно, на испанском, мониторы – мерцающие выпуклые лампы, вокруг сигаретный дым и гомон смуглолицых геймеров: «Бух-бах! Пута madre! Ты убит!» Написанный транслитом текст в редакции конвертировали в русский, хотя не обходилось без опечаток. Позже я научился

менять язык и печатать текст вслепую. Интернет-связь была медленная, снимки и аудиофайлы отправлялись по несколько часов.

Работа была не самой простой, но мои записки читателям понравились. Проект продлили ещё на полгода, потом ещё чуть-чуть. В итоге путешествие растянулось на пятнадцать месяцев.

Была ещё одна причина, по которой я стремился в Латинскую Америку. Ко мне должна была прилететь моя подруга Сара из США. Мы познакомились двумя годами раньше. Она прочитала обо мне в американской газете: о том, как мы с товарищем путешествовали автостопом по Ираку во время войны 2003 года. Эта история попала на ленту американского информационного агентства и разошлась по мировым СМИ. Мне тогда писали многие американцы. Одни восхищались, другие издевались, третьи просили выслать им за вознаграждение ценности из разграбленных иракских музеев.

Сара тоже написала письмо. Она была студенткой факультета экологии, увлекалась Россией, изучала русский язык, любила природу и ненавидела глобализацию. Мы начали переписываться. Позже она приезжала в Петербург, и мы подружились.

Я надеялся, что Сара присоединится ко мне в Мексике и мы проделаем путь до Антарктиды вместе.

Мексика

Иудопродавцы

Я прилетел в аэропорт Мехико-сити и тут же угодил в заключение. Всех подозрительных туристов задерживали, чтобы проверить их личность.

– У меня всё в порядке, – сердился я. – Вот паспорт, виза!

– Ждите, сеньор. Мы должны убедиться, что пришёл факс из мексиканского консульства в Москве. Что они на самом деле выдали вам визу и она неподдельная.

Мексиканские чиновники делали это по требованию властей США, чтобы сократить поток нелегальных иммигрантов, рвущихся попасть в счастливую и богатую Америку через другую Америку, не такую богатую и не такую счастливую.

Меня посадили в загончик для подозрительных лиц. Вместе со мной сидели несколько китайцев и пакистанец. От идущей по аэропорту толпы нас отделял канат, который мы не имели права пересечь. За этим следили вооружённые охранники.

– Сеньор, мы нашли факс, вы можете идти, – вскоре махнул мне рукой пограничник. Ну и приём! Что ж, по крайней мере не заставили здесь ночевать.

Пакистанец напутственно махнул мне рукой: «Алейкум ассалам», – а китайцы повернули в мою сторону непроницаемые азиатские лица и ничего не сказали.

– Ты из России? – удивился подвоживший меня водитель такси. – Ну надо же! Ха-ха! А меня зовут Ленин. Не веришь? Посмотри мой паспорт.

В мексиканском паспорте действительно в графе «имя» значилось Lenin.

– В Мексике жить непросто... – задумчиво проговорил Ленин. – Впрочем, кому я рассказываю. Русскому? Вы и так о трудностях знаете всё.

Водитель привёз меня в центр Мехико-сити. Я пошёл гулять и случайно свернул на боковую улочку. Здесь торговали. Товар был разложен на тротуаре на тряпках.

Неожиданно раздался крик, я оглянулся, а через миг никакой торговли будто не бывало. Улица вымерла. Торговцы свернули пожитки в узлы и молча сидели рядом.

В конце улицы показались двое. Они шли неторопливым шагом: хозяева жизни. На плотных животах едва сходились полицейские рубашки. Патруль. Разрешения на торговлю ни у кого нет, а жить людям нужно. Свёрнутые узлы полицейские не могут открыть без ордера на обыск. Стражи порядка мрачно посмотрели на торговцев. Те сделали вид, что просто сели отдохнуть. А что? Имеют право.

Патруль двинулся дальше, и через минуту на улице воцарилась прежняя суэта.

– Сеньор, купи куклу, – протянули мне красного рогатого чёрта.

– На кой чёрт мне чёрт? – посмеялся я. – Зачем?

– Это Худас. «Иуды». Они символизируют грех. На Пасху мы кидаем их в костёр. Бум! И грехов как не бывало.

Куклы были начинены петардами. Взорвав «иуду», как бы сам очищаешься. С пачкой чертей можно устроить знатный фейерверк. Я подумал: может, купить несколько штук для самозащиты? Нападут грабители, а я им: «Ловите чёрта, грешники!» Вот только вряд ли взрывных «иуд» пропустят через границу. У торговцев были и женские версии кукол – Катринас, куртизанки в платьях с оборками и с черепами вместо лиц.

Стихийный рынок разливался по улице и прилегающим переулкам, даже просачивался под землю. В городском метро торговцы протискивались среди пассажиров, волоча за собой баулы с дешёвым товаром: сувенирными крестами, иконками, рогатыми «иудами» и статуэтками святых.

– Сеньоры! Я так беден, так болен! Помогите! А-а-а! – по проходу полз нищий, хватал мужчин за брюки, а дам за края платьев. Он пел песни и раздавал листовки, рекламирующие его бедственное положение и плохое здоровье. Несколько сердобольных католиков кинули нищему монетки. У одного из пассажиров я заметил в руках деревянный крест с фигурой Христа более метра высотой.

Метрополитен Мехико-сити самый протяжённый в Латинской Америке. Десятки линий, сотни станций. Схему метро я нашёл не сразу. Оказалось, названия остановок изображены в виде рисунков: животных, растений, овощей и портретов выдающихся людей.

На некоторых линиях первые вагоны предназначены для детей и женщин. Об этом предупреждают надписи, разделяющие платформу на зоны, как в мусульманских странах. Здесь это сделано из практических соображений: чтобы уберечь хрупких пассажиров от давки.

На одной из станций в вагон зашёл полицейский и попросил всех выйти – технические неполадки.

– *La una bomba!*¹ – громко пошутил кто-то. Но все засмеялись, в бомбу никто не поверил. А «иуды» в метро сами не взрываются.

¹ Это бомба! (исп.)

Конституция на черепах

Мехико-сити – крупнейший город Северной Америки. Здесь больше двадцати миллионов жителей. Смог, автомобильные пробки, пыльные бури и землетрясения.

Я отправился на главную площадь столицы – площадь Конституции, также известную как Сбкало.

На площади стоял палаточный городок с демонстрантами. Они поливали чучело правительственного чиновника ядовито-красной краской. Рядом раздавали бесплатную еду сторонники одного из кандидатов в президенты.

– Угощайся! – протянули мне тарелку с остро пахнущей бурдой, но я решил воздержаться от политики.

Рядом с политическими маршировала колонна религиозных демонстрантов. Молодые евангелисты держали в руках портреты Иисуса. Бригадир выкрикивал в мегафон команды, собравшиеся приседали, крутились на месте, размахивали портретами. То ли флешмоб, то ли занятия фитнесом. А может, власти распорядились нейтрализовать одних митингующих другими? Первые требуют перемен, вторые призывают к традиционным ценностям. И можно ничего не делать.

Тут же на площади, у ограды кафедрального собора, сидели на крошечных табуретках безработные мастера, выпрашивающие работу. Перед каждым стояла табличка с названием профессии: электрик, газовщик, водопроводчик. Один из сидящих выставил перед собой сразу пять табличек – мастер на все руки.

Городу около 700 лет, в качестве столицы независимой Мексики он служит последние два века. Ещё три века он был столицей испанской колонии и два – столицей государства ацтеков. В древности город назывался Теночтитлан. Возле кафедрального собора находится вход в музей, к руинам главного храма ацтеков. На месте площади Конституции было сердце индейской империи. В городе-государстве жило 200 тысяч жителей. Но пришёл испанец Кортес с шестью сотнями авантюристов, уничтожил империю и убил ацтекского царя Монтесуму. Поразительно, как мало нужно людей, чтобы разрушить что-то значительное.

В подвале храма до сих пор хранятся ритуальные каменные черепа. Ацтеки тоже были людьми кровожадными. Хотя меня черепа не испугали, даже понравились. Черепа честны, не гримасничают, не задирают нос. У них всегда хорошее настроение, они улыбаются. Ведь самое страшное для них уже позади.

Настенный Троцкий

Каждый мексиканец в душе революционер. Здесь привыкли воевать за свободу от испанцев, американцев и собственных мироедов. В Мексике тоже была социалистическая революция, продолжавшаяся с 1910 по 1917 год. В память об этом названы городские улицы: Patriotismo, Revolucion, Insurgentes (то есть Повстанцев).

Одним из деятелей мексиканской революции был художник Диего Ривера. Он расписывал стены в правительственных учреждениях. Я обнаружил его работы в Национальном дворце и Секретариате образования. Посетителей туда пускают бесплатно.

Кажется, Ривера был не только социалистом, но и немного буддистом. Вот сидящий в позе лотоса четырёхрукий бог, похожий на Шиву и Будду одновременно. Во лбу у него «третий глаз» – пятиконечная звезда, в дополнительных руках серп и молот. А вот типичный индийский гуру сидит перед учениками, в руках учеников также серпы и молоты.

На одной из картин изображены выборы: крестьяне голосуют – все «за» единогласно. Рабочий зажимает под мышкой «Капитал» Маркса, а уборщица гонит метлой капиталиста в цилиндре. Среди смуглых мексиканских пролетариев мелькает белое лицо. Иностранец помогает беднякам постигать азы марксизма и стрельбы из пулемёта. Уж не Троцкий ли, бежавший из России и ставший другом Риверы и его жены мексиканской художницы Фриды Кало?

Синий домик Фриды Кало и красный Леона Троцкого сейчас популярные музеи. В красном доме вождя русской революции настиг ледоруб испанского коммуниста и сотрудника советских спецслужб Рамона Меркадера.

Как я получил справку и испортил палатку

Получил письмо на английском от моей подруги Сары из США:

«Дорогой друг! Я надеялась успеть приехать к тебе, но пока не могу. Мне нужно сдавать экзамены. Как там в Мексике? Не жарко? У нас отличная погода. Пиши мне!»

Я расстроился. Сара не приедет, значит, по Мексике придётся путешествовать самостоятельно. Ну что ж, пока я молод и одинок, буду разглядывать мексиканских сеньорит.

Отправился бродить по городу и случайно наткнулся на вывеску «Государственный департамент по археологии».

– Буэнос диас. Я журналист из России. Пишу про Мексику. Мне нужен список самых интересных мест в стране, музеев и археологических центров. И если можно, дайте справку для бесплатного посещения.

Моя нахальная просьба сработала. Мне выдали пачку буклетов и рекомендательное письмо. Входные билеты к мексиканским пирамидам стоили дорого, но теперь я мог об этом не беспокоиться.

Хотелось покинуть перенаселённую столицу и отправиться путешествовать. Но сначала кое-что следовало сделать. Я потерял стойки для палатки. Они были прикреплены к рюкзаку, но отцепились во время перелёта. Ради мобильности я выбрал для путешествия самый маленький рюкзак и снаряжение цеплял снаружи: палатку, коврик, стойки, куртку. Стойки потерялись, а без них палатку не поставишь. Каждая ночь, проведённая в хостеле, – это 15–20 долларов, а у меня бюджет на месяц – 300. А ещё еда, интернет, визы...

Обошёл дюжину туристических магазинов, но подходящих стоек не нашёл. Пришлось купить брезентовый тент для пикника. Огромный, страшный, на громоздких пластиковых стойках. Выйдя из магазина, я тут же проверил приобретение. Натянутая на новые стойки, немецкая палатка смотрелась как внедорожник на колёсах от деревенской телеги. Ну, от дождя спасёт, и ладно.

Пока я сооружал свой будущий дом, похожий на авангардный арт-объект, за мной удивлённо наблюдал чумазый бродяга.

– Вуено. Вуено², – заулыбался он, когда палатка была установлена, и показал большой палец: добро пожаловать в клуб ночующих на улице. Я сложил палатку и отдал бродяге ненужный брезентовый тент. Ему пригодится.

² Хорошо (исп.).

Размышления о вечности

Полдня выбирался из Мехико-сити. Сначала ехал на метро, потом на автобусе и попутных пикапах по трущобам из тысяч унылых бетонных параллелепипедов, отчего-то называемых здесь домами.

Через некоторое время я отъехал так далеко, что потерял столицу из вида. На взмахи моей руки реагировали не все. Многие проезжали мимо, но некоторые останавливались. Когда я в очередной раз поднимал руку, то представлял, что это просто поток, волна, за которую можно зацепиться.

С некоторыми из водителей мне удавалось разговаривать. Автостопом я путешествовал давно и научился принимать других людей такими, какие есть. Тут так: не нравится человек, иди пешком или лови другую машину.

Понять удавалось не всех, но я научился принимать людей без понимания. Заставлял себя слушать и со временем начал чувствовать, что всякий интересен. И простодушный фермер-сыродел, и сумасшедший анархист, и скупщик краденого. – Главное – верить в Господа. Ты веришь?

Только вера в Святое Евангелие спасёт! – подвозил меня пастор-евангелист.

– Вера – дело хорошее, – рассуждал я. – Но как быть с тем, что раньше местные жители верили в других богов и тоже жили неплохо. Хотя у них не было шансов стать евангелистами. Потом пришли испанцы и тоже им такой возможности не дали. Разрушили индейские храмы и построили на их фундаментах католические соборы.

– Аборигены жили в грехе и неведении. И были наказаны Богом, который прислал им испанцев и войну. Испанцы тоже жили в грехе и заблуждении. И были наказаны Богом, пославшим им войну и революцию. Но сейчас все мы – аборигены, мексиканцы, русские – все мы можем принять Благую Весть и избежать Божьей кары в виде войны, революции и испанцев!

– Аллилуйя! – согласился я. Если бы индейцы могли выбирать: потоп, мор или нашествие испанцев, пожалуй, выбрали бы первые две кары.

В часе езды на северо-восток от столицы находится крупнейший из наказанных Богом индейских городов – Теотиуакан. В доколониальные времена его пирамиды были самыми высокими сооружениями Америки. Чем местные жители прогневали небеса, неизвестно, но город опустел за пять столетий до появления ацтеков. Испанцы в этой истории точно не виноваты.

На вершины циклопических пирамид Солнца и Луны ведут ступеньки. Туристов много, и со стороны эти лестницы похожи на эскалаторы. Один поток движется вверх, другой вниз.

На вершине пирамид раньше стояли храмы, а в храмах – каменные идолы. Построено всё было масштабно, крепко, на века. Потом храмы разрушили, а идолов растащили по музеям и частным коллекциям.

Говорят, Теотиуакан был построен с учётом расположения звёзд. Местные жители любили наблюдать за ночным небом. А что им оставалось? Ни телевидения, ни соцсетей, ни книг. Только звёзды над головой. Лежишь на земле, наблюдаешь, как они вертятся. И так тысячу лет подряд. Хочешь или нет – станешь экспертом.

В Теотиуакане я не стал задерживаться. Не люблю туристические толпы. Три часа езды на северо-восток – и добрался до атлантического побережья. Здесь возле города Поса-Рикаде-Идальго находилось древнее государство Тахйн. Населяли это место тотонаки, молившиеся богу грома, которого звали Тахин. Возможно, как и наш «гром», слово было звукоподражанием: «Та-хйн-н!» Похоже на «Та-дах» или «Ба-бах».

Местные пирамиды помельче. Самая заметная из них – Пирамида с нишами. Этим ниш 365, по числу дней в году. Пирамида-календарь была построена для сельскохозяйственных нужд и почитается до сих пор. У её подножия празднуют день весеннего равноденствия 21 марта. На каменных стенах сохранились слабые следы краски. Возможно, будние дни были выкрашены черным, а праздничные – красным.

Возле пирамиды сохранилось поле для игры в мяч. Каучуковый шар забрасывали в каменное кольцо. Разрешено было играть локтями и бёдрами. За игрой с возвышения наблюдали жрецы. Выигравшую команду приносили в жертву богам. Почему-то мне кажется, что энтузиазма во время игры спортсмены не испытывали.

Было у тотонаков и другое развлечение. Устанавливали 30-метровый столб, на вершину которого наматывали четыре верёвки. Концы их привязывали к ногам поднявшихся на столб добровольцев. Верёвки начинали раскручиваться, и безумцы с факелами в руках летели на этой карусели, описывая круги и опускаясь всё ниже. Пятый участник действия стоял на верхушке столба и играл на флейте и барабане. Этот аттракцион по праздникам устраивают и сейчас.

Запретные кактусы

На севере Мексики ощущается близость США. Американские грузовики, белолицые туристы. И климат прохладный. Особенно в горах. Я дрожал в лёгкой куртке и думал: как так?! Ехал в пустыню с кактусами, а здесь погода, как в родном Петербурге.

Склоны гор покрывали заросли кактусов, в них можно было заблудиться. В посёлках вечнозелёные колючие столбы сажали в качестве ограды для участков. Эти изгороди с годами становились всё выше и крепче.

Я ехал в полузаброшенный шахтёрский городок Риал-де-Каторсе, чтобы узнать про запретный кактус. «Королевская шахта номер 14» – так можно перевести название этого места. Оно упоминается в книгах Карлоса Кастанеды.

Здесь собирают галлюциногенный кактус пейот, использующийся в индейских мистериях. Пейот не одуванчик, под ногами не растёт. Его нужно искать. Раньше на поиски пейота индейцы тратили много дней. А обнаружив, охотились на него с луком и стрелами, как на дикого зверя. Это было частью ритуала, позволявшего общаться с миром предков. Пейот содержит мескалин. Вызывает галлюцинации, эйфорию и мистические переживания. Как все наркотики, губителен для здоровья. У человека начинает кружиться и гудеть голова, бешено колотится сердце, слабеет желудок, тело лихорадит, а мысли путаются. Мескалином можно отравиться насмерть.

После выхода эзотерических книг Карлоса Кастанеды в Риал-де-Каторсе начали приезжать энтузиасты из разных стран. Я заметил, что вокруг города стоят десятки палаток, а любители кактусов ползают по кустарникам. Но найти пейот трудно, а употребление его, как в Мексике, так и в США, ограничено законом. Лишь для некоторых индейских племен сделано исключение.

Я против наркотиков, даже лёгких. Но мне интересны традиционные ритуалы. Поэтому тоже решил поиграть в индейцев и на всякий случай заглянул в кусты. Заранее выяснил, как этот кактус выглядит. *Lophophora Williamsii*, небольшой зелёный шарик без колючек. В засуху втягивается под землю, оттого и найти сложно. В России его выращивать запрещено. У нас индейцев нет, зато есть кактусоводы-любители. Вырастить одну штуку на подоконнике можно, но два кактуса – уже статья: незаконное культивирование в крупном размере.

Ни в кустах, ни на поле пейот мне не попался. Это ничего. Мало ли какую чепуху увидишь, объевшись кактусами? Зато город показался интересным. Старинный, малоэтажный, тихий. Названия магазинов написаны не на вывесках, а намалёваны на каменных стенах. Самые сильные впечатления оставила дорога, ведущая в город. Она проходила через пробитый в горах двухкилометровый туннель с удивительной акустикой. Когда мне навстречу поехал автомобиль, показалось, что началось землетрясение и гора вот-вот обрушится. Наверное, самое страшное в Риал-де-Каторсе – это съесть пейот, а потом забраться в этот туннель. Не то что предков, всадников апокалипсиса можно увидеть с оруженосцами и обозом.

Секретная добавка в текилу

Следующий пункт на маршруте – Гвадалахара. Там производят текилу. Любимый русский наркотик – это алкоголь, даже если это текила.

Водитель подобравшего меня грузовика был одет в футболку с надписью на английском: «Собственность чирлидеров клуба „Далласские Ковбои“». Во что играют далласские ковбои, я понятия не имел. Но чирлидеры – это длинноногие девчонки, развлекающие публику во время состязаний. Какое отношение имел толстый усатый водитель к тexasским школьницам? Сам он улыбался, тыкал себя пальцем в грудь и повторял:

– Ковбой!

Мы расстались, и я отправился на фабрику текилы. Существует индейская легенда, придуманная, подозреваю, продавцами алкоголя. Однажды в плод голубой агавы ударила молния, и оттуда потёк сварившийся сок. Индейцы увидели, что растение плачет, и отправились за советом к жрецам. Те глотнули сока, потом ещё. И объявили, что это слёзы богов, небесный подарок. После чего допили остаток.

Алкогольный напиток, который делали индейцы, назывался пульке. Его делали три тысячи лет подряд, пока на континенте не появились испанцы. Они привезли с собой технологию дистилляции и начали производить текилу. В XVII веке изготовление текилы запретили королевским указом из-за того, что индейцы спивались и отказывались работать. Но в 1795 году запрет отменили.

Голубая агава растёт десять лет, превращаясь в здоровенную шишку под сто килограммов. Из неё получается десять литров текилы. То есть мексиканский фермер может по календарю определить, сколько текилы растёт у него в огороде.

Собирая урожай, листья отрубают, а похожие на ананасы плоды везут на фабрику. Там их варят на пару́ и размалывают каменным жёрновом, катающимся по кругу. Раньше этот жёрнов таскала лошадь, от напряжения оставляя после себя кучи навоза. Его собирали и кидали в размолотую массу, чтобы быстрее забродила. Теперь фабриканты предпочитают обычные дрожжи, а вместо лошади – колесо с моторчиком.

После прогонки через дистиллятор молодую текилу разливают по бутылкам. Другую часть выдерживают в вощёных или дубовых бочках. В вощёной бочке текила остаётся прозрачной. В дубовой – приобретёт желтоватый цвет; чем дольше выдержка, тем темнее и цена выше.

Соль и лимон – спутники текилы. Соль насыпают в ложбинку между большим и указательным пальцами левой руки, а потом слизывают. Так рот очищают от посторонних привкусов. Например, чеснока или вчерашнего перегара. Опрокинув рюмку текилы, нужно съесть ломтик лимона, чтобы смягчить жжение во рту. Но даже в Мексике не все помнят, в каком порядке нужно глотать и лизать ингредиенты. Иногда их смешивают в одном стакане. В местных барах соль с лимоном подают даже к пиву.

Передо мной поставили стол со стаканчиками и арсенал бутылок – можно дегустировать. Вместе с экскурсоводом, водившим меня по заводу – кажется, его звали Мигель, – выпили пару стаканов. Заели лимоном. Потом попробовали ещё несколько видов текилы на брудершафт.

Провожая меня в гостиницу, Мигель смахивал слезу:

– Амиго, куда ты едешь?! Оставайся в Гвадалахаре. Я устрою тебя на работу в местный университет. Будешь преподавать русский язык и географию. Женишься на мексиканской сеньорите. Знаешь какие у нас сеньориты? – Мигель рисовал в воздухе контуры сеньориты. Получалось нечто округлое, похожее на снеговика. Я из вежливости поцокал языком. Но решил, что сходить с маршрута пока рано.

Древности по сходной цене

С севера Мексики я направился на юг. Зелени здесь было больше, а местные жители вместо текилы пили мескаль. На вкус похоже, но мескаль производят из разных видов агавы, а текилу только из голубой. То есть текила – более благородный напиток. Если можно так говорить о жидкости, переборщив с которой рискуешь проснуться женатым на мексиканке. А это так себе удовольствие: у мексиканок взрывной характер и множество родственников в сомбреро.

У входа к руинам Монте-Альбан расселись продавцы соломенных шляп, берущих название от испанского слова «сомбре» – «тень». Эти шляпы достигают диковинных размеров. Самые большие сомбреро, метрового диаметра, уже никто не носит. Они остались лишь в голливудских фильмах и у профессиональных музыкантов. А когда-то их носили бойцы мексиканского сопротивления, сражавшиеся с американцами-гринго. Шляпы защищали от палящего солнца не только бойца, но и оружие. Мало ли, винтовка раскалится или патроны в патронташе нагреются и начнут взрываться.

Информационная табличка на нескольких языках запрещала покупать с рук антикварные раритеты. Используя табличку как бесплатную рекламу, рядом с ней сидел усач в гигантском сомбреро.

– Псс, сеньор! – громко зашептал он в мою сторону. – Не желаете приобрести старинные предметы?

Я тащил рюкзак с туристическим барахлом и покупать индейский антиквариат не видел смысла. Хотя жара была такой, что от сомбреро, пожалуй, не отказался бы.

Монте-Альбан – один из первых городов доколумбовой Америки. Он был основан в V веке до н. э. и процветал тысячу лет, затем по неизвестным причинам опустел. Его руины стали частью горы, поросшей белыми цветами. Отсюда и название Монте-Альбан – «Белая гора».

Здесь жили древние сапотеки. Выращивали бобы и кукурузу, разбирались в лекарственных травах. Построили пирамиды и обсерваторию. У них была письменность, похожая на иероглифы майя. Жрецы сапотеков общались с богами при помощи растений-галлюциногенов.

Сапотеки до сих пор остались в этих краях, но не выглядят людьми, способными построить пирамиду или хотя бы объяснить, для чего она нужна. В этом я вижу трагедию человеческой цивилизации – целые народы уходят, оставив после себя невнятные каменные насыпи. Наверняка у сапотеков были свои мудрецы, философы, поэты, юмористы. Но по музеям двух Америк разлетелись лишь зловещие статуэтки чудовищ.

Испанцы выстроили рядом с индейским городом свой собственный, колониальный. Называется Оахака. Город и окружающую его долину конкистадор Эрнан Кортес объявил своей собственностью. При застройке Оахаки испанцы взяли за основу тетрадь в клетку: все улицы параллельны и перпендикулярны. Дома одно-, двухэтажные, а кварталы похожи друг на друга. Квартал по-испански – «куадрас». Если спросить дорогу, прохожие отвечают так: четыре куадрас прямо, три налево. Поиск нужного места напоминает игру в морской бой.

В квадратно-гнездовой планировке есть исключения – например, площадь Конституции с кафедральным собором. По вечерам там собирается весь город. Играет музыка, летают воздушные шары, продаются футболки с портретом субкоманданте Маркоса.

Этот Маркос – легендарный местный Че Гевара. Даже звание взял себе похожее, став идейным наследником революционера. «Субкоманданте» означает – «заместитель командующего». Командующим был сам Че Гевара.

Маркос – борец с глобализмом, выступавший за национализацию природных ресурсов Мексики, за соблюдение прав индейцев, за борьбу с диктатом США и МВФ. Своё лицо субкоманданте не показывал, всегда появляясь в чёрной балаклаве. Его личность установили – это писатель и философ Рафаэль Висенте. Но смысл анонимного Маркоса в том, что им может быть кто угодно: писатель, солдат, фермер. Надел балаклаву – и ты Маркос, можешь продолжать сопротивление, бегая по горам в окрестностях Оахаки.

Святые неугодники

В окрестностях города Сан-Кристоваль-де-Лас-Касас живут племена майя. Их цивилизация была одной из крупнейших и наиболее развитых в доколумбовой Америке. Майя жили на юге нынешней Мексики и на всей территории Центральной Америки. Плотность их городов была такой же высокой, как в Европе. Считается, что к приходу испанских конкистадоров майя уже были в упадке. Хотя теперь, когда их цивилизация разрушена, а древние города опустели, можно говорить что угодно.

Нынешние майя – народ деревенский. Женщины носят мохнатые чёрные юбки, красные пояса и цветные блузки, а на головах – подобие чалмы. Мужчины ходят в чёрных куртках, с холщовыми сумками через плечо.

На площади деревни Чамула шумит рынок.

– Сеньор! Бананы. Манго. Герильеро Маркос. Недорого.

На прилавках фрукты и поделки – тряпичные куклы в чёрных масках и с деревянными автоматами наперевес. Неуловимые партизаны субкоманданте Маркоса. Мне говорили, что он скрывается где-то в здешних горах.

Я пересёк площадь и подошёл к зданию церкви. С виду обычная церковь, христианская. Разрисована цветочками. Открыв тяжёлую дверь, я зашёл внутрь. На кафельном полу церкви лежало сено. На расставленных среди сена булыжниках горели зажжённые свечи. Молящиеся сидели на коленях, раскачивались и тихо бормотали.

В алтарной части были установлены фигуры, напоминающие библейских святых. Одеты в длинные балахоны с цветными лентами и зеркальцами. Украшены электрическими гирляндами, перемигивающимися под звуки шарманки. В руках святые держали пучки сухой травы и связки кукурузы. Майя считают, что боги создали людей из кукурузы. Для деревенских жителей католические статуи символизировали древних богов. В центре находился главный из них – Сан-Хуан Батиста (Иоанн Креститель), он же бог земледелия.

У собравшихся в зале крестьян я заметил в руках куриные яйца. Ими водили вокруг головы и тела, а потом разбивали скорлупу. Считается, что, если обряд проведён правильно, желток должен почернеть от вышедшей из человека дурной энергии. Но когда дурноты накоплено много, яйцом не обойтись – нужна целая курица.

Старая индианка вытащила из корзины живую курицу и стала натираться ей как мочалкой. Затем прижав шокированную курицу к животу, старуха пошевелила губами, а потом резко свернула птице голову. Та потряслась в конвульсиях и затихла на покрытом сеном полу.

Возле алтарей с горящими свечами стояли бутылки с кока-колой. Отпив из бутылки, индейцы отрыгивали, чтобы плохая энергия покинула тело окончательно.

Возле входа стояли три стеклянных короба с куклами, изображавшими католических святых. Эти святые были в простой одежде без украшений. Кисти рук у них были отрублены. Рядом на полу стояли колокола. Стена из горящих свечей огораживала безрукие фигуры и колокола.

– Что это значит? – спросил я пожилого мексиканца.

– Сеньор, они арестованы, – просипел он. – Их перенесли сюда из старой церкви, стоявшей на холме у кладбища. В церковь ударила молния, и она сгорела. Святые были неправы. Они должны были оберегать храм, но не выполнили свою работу. И колокола молчали, хотя во время пожара должны были звонить. Теперь расплачиваются.

Как меня напугало чудовище за изгородью

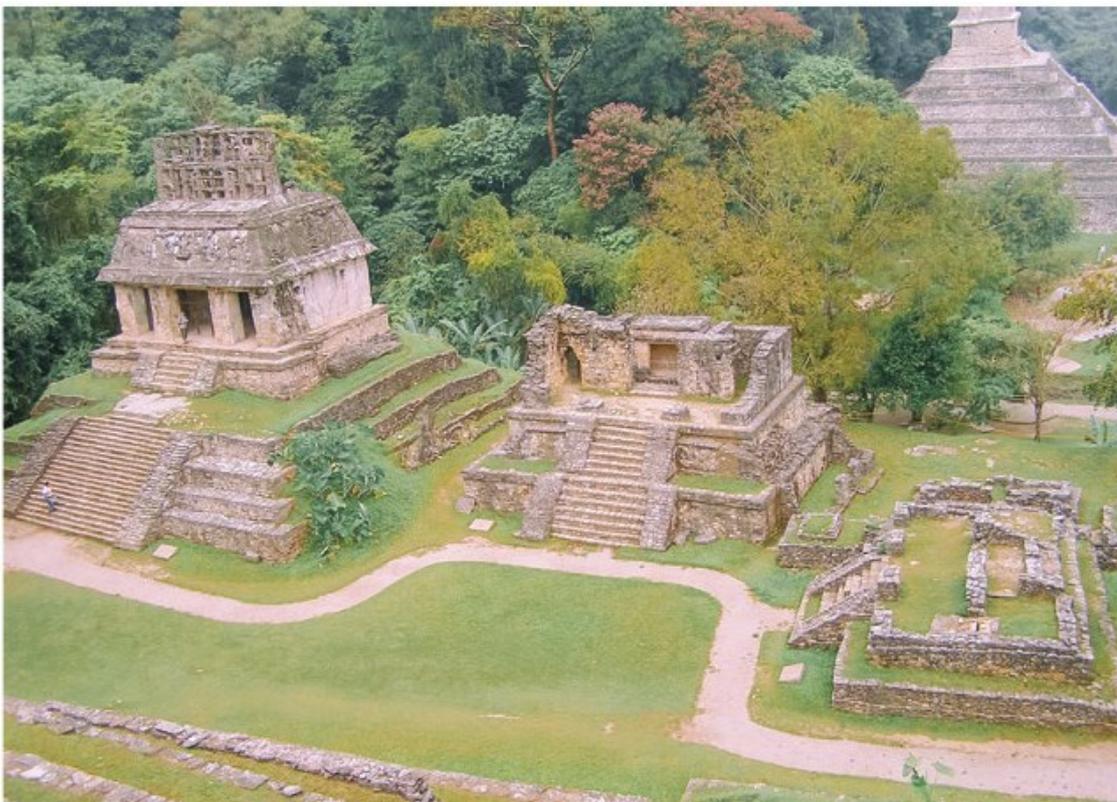
Ещё одни руины майя посреди тропического леса – город Па-ленке. Сюда я добрался под вечер, когда археологический парк был закрыт. Пришлось заночевать на ближайшей ферме вместе с другими туристами. Одни, как и я, опоздали, другие жили здесь давно, каждый день пробираясь к руинам через джунгли.

Кому не хватило места в комнатах, ночевали в гамаках во дворе. Это было не страшно – на юге Мексики тёплые ночи. Когда стемнело, воздух наполнили таинственные звуки леса: визги, крики, уханье. Больше всего пугало громовое рычание какого-то зверя. Что за существо могло издавать такие звуки? Голодный ягуар? От агрессивной тьмы нас отделяла ненадёжная деревянная изгородь фермы.

Мне захотелось записать грозный рев на диктофон для радиорепортажа.

– Стой! Куда?! – кричали мне туристы, видя, как я взялся рукой за ограду. Но чужой страх подействовал на меня ободряюще. Я перелез через жерди и шагнул в темноту.

Вытянув перед собой диктофон, я медленно шагал вперёд, воображая себя отважным журналистом и стараясь не провалиться в яму. Вдруг яростное рычание раздалось совсем близко. На мгновение окаменев от неожиданности, я бросился назад и одним прыжком перемахнул спасительную ограду фермы. Казалось, тусклый свет электрической лампы отпугнёт чудовище, как защищали первобытных людей разведённые костры. Зверь не последовал за мной, и вскоре рык затих. Остаток ночи прошёл спокойно.

Утром мы все отправились в археологический парк. Остановив одного из работников парка, я спросил:

– Что за чудовища живут в местном лесу?

– Издают такие громкие звуки? Р-р-р, ух-ух, р-р-р?! Это самцы обезьян сарагуато. Чёрные ревуны. Так призывают самок и отпугивают соперников, – ответил работник. Получается, что ночью я испугался небольшой обезьяны размером с пуделя.

Парк Паленке обширен. Здесь сохранились дворцы и храмы, пирамиды и башня обсерватории – всё это посреди джунглей. Часть территории расчистили для туристов, но многие руины остались в первозданном виде: заросшие мхом, с корнями деревьев, разрывающими старые камни.

На барельефах майя можно разглядеть иероглифические надписи. Это письмо напоминает квадраты с закруглёнными краями. В каждом квадрате рисунки: лица людей, морды животных, части тел, орудия труда. Несмотря на таинственный и неприступный вид рисунков, их удалось расшифровать. Надписи сообщают, какими молодцами были здешние правители и как много городов завоевали.

Майя жили по всему полуострову Юкатан. В каждом местном посёлке можно найти следы их древних городов. Мексиканское правительство не планирует откапывать все постройки майя. Иначе их придётся охранять, восстанавливать, проводить исследования. Всё это дорого. Поэтому часто из-под земли торчит лишь верхушка башни или пирамиды. Мало кому известно, что эти деревенские руины вообще существуют.

Самые частые посетители забытых городов – птицы и звери. В древних руинах мне попалась ядовитая змея экуней, она же – звездохвост. Змея с ленивым интересом смотрела на меня и шевелила длинным хвостом. Я захотел её измерить, но не было рулетки. Удава из известного мультфильма измеряли в попугаях. Если взять самого крупного попугая, амазонского ару, то его ширина – сантиметров восемь. Значит, удав длиной в 38 попугаев был трёхметровым.

Я снял кепку и положил рядом со змеёй. Звездохвост презрительно шикнул и пополз мимо кепки. Раз, два... – считал я. Вышло, что длина змеи – двенадцать кепок. Около двух метров. Меньше, чем у удава, но всё равно впечатляет. Хвост ещё долго волочился по земле, прежде чем исчез в расщелине между камней.

Белиз

Пыльная дорога к крокодилу

Табличка «Консульство Белиза» висела на дверях очень скромного дома. Он скорее напоминал курятник. На его стенах поселился плющ и разросся, будто желая раздавить домик в зелёных объятиях.

Скучавший консульский клерк обрадовался моему визиту.

– О, вы едете в Белиз! Обязательно посетите Ламанай. Это руины города майя в джунглях. Отправляйтесь туда по реке. Водная гладь, крики туканов, по веткам прыгают обезьяны. Крокодилы лежат на берегу, разинув пасти. Красота!

Чтобы я не заблудился, чиновник вручил мне карту Белиза размером с почтовую открытку. Через два дня я сел на медленный тряский автобус, идущий из приграничного городка Оранж-Уолк в посёлок Шип-Ярд. На английском shipyard – это порт.

Я решил, что лодки выходят оттуда. Что касается Оранж-Уолк, то название явно было связано с пешим походом, после которого становишься оранжевым от пыли. Делать мне там было нечего. – Русский? – обратился ко мне кондуктор автобуса. – Хо-хо! Я по форме головы понял. У русских голова особенная. Куда едешь? – В Шип-Ярд. Хочу взять лодку до старого города майя, – ответил я.

– Ты что! Шип-Ярд – не порт. Там лодок нет.

Там даже реки нет, это равнина. Просто название такое, – засмеялся эксперт по головам. – Ты должен был искать лодку в Оранж-Уолк. Теперь будешь шагать до руин двадцать километров. А дорога пы-ы-ыльная.

Видимо, у местных жителей тоже особенные головы, раз такие названия поселкам дают, чтобы туристы запутались. Я вылез из автобуса и пошёл в сторону Ламанай пешком, ругаясь на себя.

По обе стороны дороги открывались картины Дикого Запада: одноэтажные деревянные дома с верёвочными качелями у крыльца, ветряки во дворах. Навстречу мне проезжали конные брички, которыми управляли фермеры в широкополых соломенных шляпах и штанах с подтяжками. В бричках сидели женщины в старомодных платьях.

Шип-Ярд оказался колонией баптистов-меннонитов, выходцев из Германии. Их вера запрещает пользоваться достижениями цивилизации, но, даже оставаясь в позапрошлом веке, чувствуют они себя комфортно. Розовощёкие фермеры приветливо махали мне рукой, но никто не останавливался. Все были заняты, торопились по делам. Ленивой расслабленности, свойственной южным странам, не было и в помине.

Дорожная пыль поднималась в воздух при каждом шаге, и вскоре я был покрыт ей головы до ног. Губы высохли от жажды, вода в бутылке закончилась. Тут я заметил высокую кокосовую пальму. Наверху висели орехи размером с мою голову. Я вспомнил, как когда-то на Масленицу забрался на высокий скользкий столб. Почти никто не мог забраться, а я смог. Снял с него воздушный шарик и подарил стоящему в толпе ребёнку. Неужели не справлюсь с пальмой?

Подпрыгнул и полез. Ствол был шершавый и больно ранил руки. Но я не сдавался. У жителей южных стран есть приспособления для подъёма на пальмы: крюки, верёвки, лестницы. Больше всего мне нравится гибкое кольцо, сплетённое из лиан, которое надевается на щиколотки. Благодаря ему можно упереться в ствол ступнями, и они не скользят. Так подниматься намного легче и быстрее. Но сейчас у меня ничего подобного не было, оставалось рассчитывать лишь на силу рук и ног, сжимавших ствол.

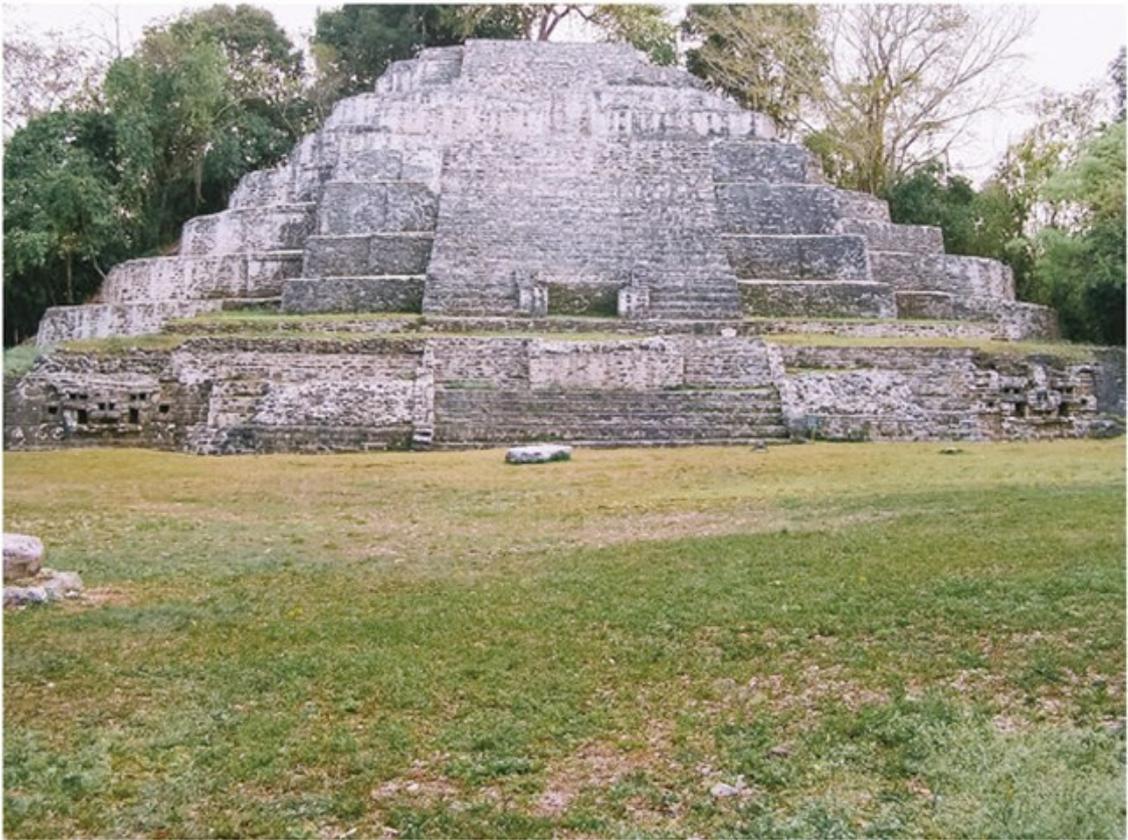
Наверху я достал из кармана складной нож, отпилил один орех, и тот тяжело ухнул вниз. Такой если упадёт на голову – убьёт сразу. Говорят, от падений кокосовых орехов в мире погибает больше людей, чем от нападений акул. Однажды в Индии мне встретилась женщина, которая приехала в аюрведический санаторий, чтобы поправить нервы. Села отдохнуть под пальму, и... на неё упал кокос. К счастью, он был небольшой и висел невысоко. Женщина получила сотрясение мозга. Теперь она приезжает в этот же санаторий каждый год, чтобы лечить головную боль.

Я спустился на землю, поднял тяжёлый орех и проковырял в нём дырку. Вылил тёплый и сладкий сок в кружку и выпил. Во рту стало приятно и немного липко. Одного кокоса хватило, чтобы поддержать мои силы.

Путешествовать в одиночку неплохо. И очень экономно. Всего один орех – я сыт и окружающему миру не нанёс вреда. Лишь бы энергии ореха хватило на двадцать километров пути.

В пыли и поту я добрёл до руин майяского города Ламанай. Это название означает «притаившийся под водой крокодил». Как эта фраза поместилась в таком коротком слове? Вероятно, для каждого состояния крокодила у майя был специальный термин. Например, «леженай» – крокодил, отдыхающий на берегу, «овонай» – крокодил, откладывающий яйца, «кусонай» – крокодил, поймавший индейца и собирающийся его съесть.

День подходил к концу, парк уже закрывался. Но служители, удивившись, открыли для меня ворота. Не каждый день к ним попадали туристы, пройдя пешком такой долгий путь.

Белизцы считают свою страну родиной майя. С этим могут поспорить Мексика и Гватемала, но в Белизе на самом деле сохранились памятники, которым больше трёх тысяч лет. Украшенные надписями и резьбой стелы и саркофаги, но главное – пирамиды Ламанай с огромными, сложенными из камней головами людей и ягуаров. Жрецы майя любили наряжаться ягуарами. Или цеплять к рукавам орлиные перья, подражая птицам.

Пирамиды стояли посреди леса, и он начал оживать на закате. Трещали цикады, орали тулканы, на ветках резвились обезьяны.

Я поднялся на заросший мхом каменный храм. Самый большой из всех, 33-метровый. Вот же было у престарелых жрецов развлечение! Залез на пирамиду и рычи на соплеменников как ягуар или маши руками-крыльями как орёл. А тебе за это кокосы приносят. «Активное долголетие» по-майяски.

Настоящие мужики любят Иисуса

Отяжелевшее красное солнце скрылось за деревьями. Я вышел на дорогу, но уже начал представлять, как вернусь обратно в лес и поставлю палатку на радость обезьянам. Вдруг на дороге показалась двуколка. Лошадью правил фермер в шляпе и клетчатой рубашке. Он приветливо кивнул – залезай. Мы разговорились. Родной язык у меннонитов немецкий, но этот фермер знал испанский.

– Нас в Шип-Ярде почти три тысячи, – рассказал он. – Это самая большая колония меннонитов в Белизе. В армии мы не служим. Держим коров, кур, свиней. Растим пшеницу и бобы. В посёлке правила строгие. Пить и курить нельзя. Если солнце встало, нужно идти трудиться. Если село, можно отдыхать.

– А технику совсем не используете? Я же видел в посёлке автомобиль и трактора в поле, – усомнился я. – И вон там в сарае явно электрический свет горит.

– Совсем без техники сложно. Но если кто-то из наших покупает машину, то нанимает водителя-индейца. Сам за руль не садится. Это уже не его грех. А электрический фонарь, про который ты говоришь, вон посмотри, он не в доме горит, а в мастерской. Это не считается. В доме нельзя, а в мастерской не страшно.

Мы остановились возле стоящего у обочины трактора. На нём вместо обычных колёс с резиновыми шинами стояли какие-то странные железные колёса. Рядом с трактором скучал молодой парень. Оказалось, это был Клаус, сын подобравшего меня фермера. По местным меркам парень был неплохо образован и даже говорил по-английски.

– Клаус, почему у твоего трактора железные колёса? – спросил я.

– Это из-за нашей веры. Мы должны обходиться лошадью, – засмеялся Клаус. – Но как отличить лошадь от машины? У машины обувь резиновая, а у лошади железная. Если поставить на трактор железные колёса, то получается, что это уже не машина, а лошадь!

– погоди-погоди. Но ведь на телеге, которая была прицеплена к трактору, колёса были резиновые?

– Если телегу тянет лошадь, то какая разница, какие у неё колёса?

Интересно, смогу ли я заночевать в этом посёлке? У меня в рюкзаке греховная техника: телефон, фотоаппарат. Придётся всё-таки спать в палатке. В лучшем случае поселят в мастерской, от дома подальше.

Навстречу нам попался джип с наклейкой на бампере «Настоящие мужики любят Иисуса». Клаус махнул ему рукой, джип остановился. За рулём сидел доктор Йохан Берген. Тоже меннонит, но не ортодоксальный. Он не боялся ездить за рулём автомобиля самостоятельно и не притворялся, будто едет на лошади. Доктор тут же пригласил меня к себе.

На пороге дома нас встретили пять симпатичных пацанов в одинаковых клетчатых рубашках и соломенных шляпах.

– Семья у меня небольшая: пять парней и дочка. У соседей по десять-пятнадцать детей. Ну, ничего, догоню, время ещё есть, – заулыбался доктор.

Мальчишки засыпали меня вопросами. Вот совпадение: сегодня они проходили в школе Россию, и надо же – живой русский! Дети доктора ходили в современную школу и говорили по-английски. А их сверстникам в посёлке до двенадцати лет разрешалось изучать только Библию – вот и всё образование.

– Меннонитам пришлось поскитаться по свету, – рассказал доктор. – Нас прогнали из Германии, Швейцарии, Польши. Некоторое время мы жили в России. С 1789 года до начала XX века. Это было хорошее время. Но потом началась Русско-германская война, и нам снова

пришлось уехать. У нас в речи до сих пор остались русские слова: vareņiki, bulka, truba и много других. Кстати, а что такое vareņiki?

Меннониты перебрались в Канаду, но не задержались и там. Власти заставляли их давать детям среднее образование, а переселенцам это не нравилось. Поэтому они уехали в Центральную Америку.

– В Белизе жить нелегко. Налоги высокие, а власти к нам равнодушны. Хоть мы и кормим всю страну. Знаешь, у меня сохранились старые книги с фотографиями из России. Я часто их листаю и думаю: может, когда-нибудь нам разрешат всей колонией переселиться обратно в Россию?

Осторожнее в Белизе

Утром, распрощавшись с хозяевами, я уехал в Белиз-Сити, самый большой город страны. С виду город напоминал негритянское гетто. На побережье жили чернокожие выходцы с Карибских островов, завезённые туда англичанами в качестве рабов. Нынешние чёрные решили, что достаточно потрудились в прошлом и теперь им это не интересно. Они носили дреды и футболки с портретами Боба Марли. Общались на смеси английского, испанского и наречий майя. Слушали регги и курили марихуану. Жили в обшарпанных домах, но даже не думали привести их в порядок. Они предпочитали слоняться по улицам и задирать прохожих.

– Эй, ты чего тут трёшься? – такое обращение можно услышать чаще, чем привычное в странах третьего мира «Хелло, мистер».

До 1961 года Белиз-Сити был столицей страны, когда внезапно на город обрушился мощный ураган. Восстанавливать столицу не стали – некому. Меннониты не покидали свои деревни, потомки индейцев строить разучились, негры, может, и могли бы, но не хотели. Государственные чиновники и члены их семей переехали в наскоро построенную на деньги Великобритании новую столицу Бельмопан, оставив жителям уничтоженного города самим решать проблемы.

– Э, мужик! Чё как? Иностранец, да? Купи мне колы! – целый квартал тащился за мной худой чёрт в драной спортивной майке с номером. Но потом ему это наскучило, и он отстал.

От полной деградации Белиз-Сити спасало лишь соседство Белизского барьерного рифа. 290 км коралловых лесов! Сюда приезжали тысячи туристов, но в бывшей столице никто не задерживался. Иностранцы ужасались увиденному, оставляли несколько долларов в придорожном кафе и спешили на борт туристической лодки. Всё же и несколько долларов – деньги. Жить можно.

– Ты неместный? – обратился ко мне смуглый посетитель одного из таких кафе. – Я тоже приезжий. Из Гватемалы. Дам тебе совет. Будь осторожнее в Белизе. Здесь могут ограбить. И даже убить!

Через полчаса я ехал в грузовике в сторону гватемальской границы. Чернокожий водитель в трёхцветной растаманской вязаной шапочке кричал, обернувшись ко мне и почти не смотря на дорогу:

– Мужик, зачем тебе в Гватемалу? Там опасно! Криминал. Понимаешь? Паф-паф! Тебя точно убьют. Оставайся лучше у нас в Белизе.

Что ж, приятно, когда есть выбор.

Я получил новое письмо от Сары: «Здравствуй, мой дорогой друг! Я подала документы. Хочу устроиться на работу в университет в Вашингтоне. Они ответили мне и приглашают на интервью. Возможно, мне придётся начать работу в середине августа. Но время у нас ещё есть. Как только я сдам все экзамены, сразу прилечу к тебе, и у нас будет пара месяцев, чтобы путешествовать вместе».

Наше совместное путешествие сжалось ещё сильнее. Сара занята, а когда освободится и прилетит, ей вскоре нужно будет возвращаться на новую работу. Может, и хорошо, что она пропустит Центральную Америку со всеми этими «пиф-паф, криминал!». И в Антарктиду я вряд ли смогу её взять. Значит, всё происходит так, как нужно. Я отправил Саре письмо и вложил в него свои заметки о Мексике и Белизе. Тексты были написаны транслитом, но когда Сара писала мне по-русски, она *tozhe ispolzovala translit*. Как же много хороших и добрых слов можно передать при помощи абракадабры!

Гватемала

Получить по голове в Тикале

Тикаль – самый крупный город майя. Неведомые пирамиды в джунглях Гватемалы обнаружил францисканский монах, искавший индейцев для обращения в христианство. Полторы тысячи лет назад этот город был мегаполисом со сложной экономикой и разветвлённой сетью дорог. Здесь проживало до ста тысяч человек, то есть больше, чем в любом городе Европы в то время. Американская супердержава, о которой никогда не слышали в Евразии. Удивить европейцев город не сумел. Задолго до прибытия конкистадоров на континент Тикаль пришёл в упадок, был оставлен людьми и зарос лесом.

Чтобы обойти все сохранившиеся постройки майя, не хватит и дня. Случалось, туристы покупали входной билет, а потом терялись на территории парка, и их не могли найти несколько дней. Но всем приезжим здесь нравится.

Группа иностранцев собралась под деревом, пытаясь сфотографировать повисших над ними чёрных обезьян. Обезьяны фотографироваться не желали. Злились на визитёров, обламывали и швыряли вниз ветки. Некоторые из бросков были удачными. – Дура, ты что делаешь?! – охнул один из туристов, потирая ушибленный лоб.

Но настоящие хозяева этих мест не туристы, а вот они: обезьяны, туканы и змеи, прячущиеся среди листьев и лиан. Тропический лес проглотил старый город. Здания и ступенчатые пирамиды стали узорами в кружевах кустарников и деревьев. Дай волю природе, и она заберёт всё, что отвоевал у неё человек. Сожрёт бетон и кирпич, переварит стекло. Приспособит любую постройку под норы и гнёзда. Одна-две тысячи лет для неё ничто, она считает миллионами. Что ей государства, цивилизации и архитектурные шедевры человечества... так... ещё несколько муравейников, выросли и развалились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.